

2018

**Как я
лишился
своего
новенького
Бьюика**

Автор:

Евгений Селезнёв

16+

Евгений Кириллович Селезнёв

Как я лишился своего новенького Бьюика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30474328

SelfPub; 2018

Аннотация

20-е годы, Америка, журналист Марк Бруштейн поселяется в Квинсе и устраивается на работу в газету "Нью-Йоркский горожанин". Скоро Марк узнает истинную силу печатного слова, способного изменить жизнь своего читателя.

Содержание

1	4
2	9
3	12
4	15
5	17
6	20
7	21
8	22
9	24
10	27
11	29
12	32

1

Я перебрался в Квинс 29 марта 1924 года. Вышел из автобуса. Купил килограмм яблок и поднялся в комнатку по адресу Сондерс-стрит, 12.

По пути на четвертый этаж я постучал в каждую квартиру и каждому, кто открыл мне дверь, вручил по одному зеленому яблоку. В 37-й открыл чудаковатый парень, который стал сходу и не к месту рисоваться:

– Хорошо, будем соседями. А яблоко я съем не сейчас, а попозже, на заседании в издательстве “Братьев Эфрон”.

Я приветливо улыбнулся и пожелал ему удачи, выразив надежду, что однажды прочту книгу автора, одобренную моим соседом-издателем.

В квартире меня встретила парочка мигрантов из России: сестра моей тетушки и ее муж. Без лишних разговоров они отдали ключи и сказали, что за первый месяц я могу не платить, а вот дальше – по расписанию.

Я сел в кресло и принялся думать о том, что мне стоит немедленно завести несколько полезных знакомств. Водиться с российской и еврейской интеллигенцией не хотелось, а вот пристать к американскому чудиле – это за милую душу. Тогда же я твердо решил, что в конце дня наведаюсь к Издателю и угощу его английским табаком.

В квартире не оказалось ни сахара, ни чая, поэтому ждать

вечера взаперти стало невозможным. Я решил прогуляться до ближайшего магазинчика и, может быть, перекусить в местном кафе.

На улице была суета: что-то кричали по-русски, лили супы в кружки и жадно курили содержимое несоразмерно больших трубок. Я забежал в первый подвернувшийся ресторан, занял место у окна и принялся наблюдать за происходящим.

Я решительно отличался от людей за окном: по утрам мне не нужно было перебегать из дока в док в поисках баржи, которую некому разгрузить. Через три дня, в последний понедельник марта, я должен был явиться на ковер к некому мистеру Ремизову и заступить на должность корреспондента “Нью-Йоркского горожанина”.

К своим 29 годам я успел увидеть Францию, Англию, Германию, Швейцарию, выплакать все глаза, покидая Италию, и чуть не лишиться жизни, въезжая в Португалию. Везде работал журналистом и отовсюду сбегал спустя пять лет. Жизнь бросала меня от столов с устрицами и ламбруско до харчевен с разведенным водой пивом. И сейчас я находился ровно между двумя этими крайностями – в ресторане “Злате Коэн”, где прелестная официантка с именем Лиа (во всяком случае, так было написано у неё на бейджике) подала мне бутылку содовой и хорошенько прожаренный бифштекс.

Так получилось, что со своей семьей я толком не попрощался. Меня не оплакивала мать, причитая, что сын уезжает за границу, меня не клеймил предателем отец, чья библиотека

состояла исключительно из отечественной литературы. Они как-то разом поняли, что мое место в жизни не определено и что только я смогу его найти. Ну а может они не переживали потому, что у меня рос (страшно представить, сколько ему сейчас) весьма смысленный брат, который однако тоже норовил поскорее свинтить из родительского дома. Каждый божий день он читал книги про большие корабли и дальние страны, а каждому прохожему сообщал, что должен стать моряком. Когда мы виделись с ним в последний раз, отец в шутку назвал его Голландцем.

Ударившись в воспоминания по дому и пути, который привел меня в ресторан на Сондерс-стрит, я не заметил, как за окном стемнело, а за соседним столиком появился Издатель из 37-й квартиры.

– Эй, – махнул я рукой и переметнулся к нему за стол, – не против, если я составлю компанию?

– Нет, – улыбнулся Издатель и указал мне рукой на соседнее кресло.

– Меня зовут Марк Бруштейн, – сказал я и протянул руку через стол, чуть не угодив своим рукавом в тарелку моего визави.

– Рут Келли, – произнес он и пожал мне руку, отведя ее чуть в сторону от своих блюд.

– Как прошло ваше заседание, нашли нового гения?

– Нет. С гениями нынче сложно.

– Хотите сказать, что во всем Нью-Йорке не сыскать ни

одного порядочного писаку?

– Порядочного-то может и сыскать. Но кто-ж его будет читать? Нет, конечно, через нас проходят не только бездарности, не думайте. Я самолично отверг несколько подающих надежды людей, – сказал он, взяв в руки чашку с кофе, – вот только уме́й они писать, – он поднес чашку ко рту и слегка смочил губы, ни сделав ни глотка.

– А что не так с подающими надежду людьми?

– Их работы – это не то чтобы плохо, но как-то оно... длинно и неуклюже... По-церковному нравоучительно и занудно.

– А вы, стало быть, знаете как писать? – спросив это, я сразу же пожалел, испугавшись, что собеседник может расценить это как укол.

– Почему бы и не знать? – ответил он, несколько не смутившись, – в колледже я был весьма популярным. Знаете, мои рассказы побеждали на престижных конкурсах, а две моих пьесы из трёх были поставлены на сцене. Да и третью не поставили лишь из-за отсутствия должного реквизита, – сказал Келли самому себе, устремив взгляд на покрытую пылью обувь.

– Тогда чего же вы не пишете?

– Марк, у каждого должно быть свое место, считаю я. Моё, если позволите, призвание, находить тех, кому нужна помощь, и не допускать до литературы тех, кто этой литературе может навредить.

После десятка (ей богу, их точно не было меньше) пропитанных скрытым пафосом речей от Издателя я заказал себе еще одну содовую и принял решение уйти домой. Поверьте на слово: вести дружбу с таким человеком оказалось невозможным. Весь вечер он болтал о себе, о жизни и о своём месте в этой жизни. Ради этого места (сейчас только вдумайтесь!) он пожертвовал своим писательским талантом. Мне становится бесконечно стыдно от одних только воспоминаний о его дифирамбах самому себе.

2

Последние выходные марта пролетели незаметно. С Издателем мы пересеклись всего несколько раз. За завтраками в субботу и воскресенье. Оба этих раза он подсаживался ко мне за стол и начинал рассказывать, какой он видит литературу современную и будущую.

Все это подавалось так, что в какой-то момент мне начало казаться, что вот-вот и он научит меня по новой есть сэндвич, поведает, с какой стороны его кусать и каким зубам отдавать предпочтение в разжевывании индейки.

***

В последний понедельник марта я на цыпочках прошел мимо 37-й квартиры, надеясь не застать своего соседа, который наверняка желал разразиться монологом о скудном наборе синонимов современного американского писателя и слове “воляж”, которое он хотел бы видеть на месте бесчувственного “путешествие”.

Оказавшись на улице, я закурил и отправился на 63-ю авеню. Там, в небольшом трехэтажном здании близ озера Медоу, меня ждал господин Ревизон, которому я пожал руку и пообещал самоотверженно трудиться.

Первые три недели я приносил ему самые свежие новости, самые скандальные интервью и самые душетрепещущие репортажи. Удовольствия это доставляло мало, из-за чего в

ящике рабочего стола стали появляться выдуманные статьи, призванные скрасить мой досуг в стенах “Нью-Йоркского горожанина”.

Всего за несколько дней там накопились такие сенсации, как “Мэр Нью-Йорка не любит яблоки, а значит – не любит Нью-Йорк!”, “Утки из озера Медоу оказались французскими мигрантами, испугавшимися народных волнений” и “Американцы принимают Иудаизм, чтобы не трудиться”.

Спустя всего пару месяцев это увлечение сыграло со мной вот какую шутку: вместо статьи “Дети голодных Ирландцев продолжают заселять Нью-Йорк” в номер вышла самая плохая из моих печатных выдумок: “Правительство может запретить горожанам мочиться в квартирные туалеты, чтобы сохранить микрофлору океана”.

Произошло это по самому что ни на есть роковому стечению обстоятельств: отвечающий за верстку лопухий парень хотел скорее показать мне тайный бар “Бродячая собака”, где я бы смог вспомнить вкус позабытого мною пива; убитый (не припомню каким) горем корректор пробежался лишь по заголовкам и, видимо, решил, что правительство действительно свихнулось; редактор убежал глазеть на длинные ноги красоток из кабаре.

Зачинщиком трагедии и по совместительству лопухим пареньком был Шелли Вэйд – персона, из-за которой 26 000 читателей “Нью-Йоркского горожанина” чуть не получили сортирную шутку от Марка Бруштейна прямиком к завтра-

ку. Благо, проблема решилась в считанные минуты. Вытащив из типографии первую газету, Шелли всучил её мне. Я любил забирать первые газеты и узнавать о новостях на несколько часов раньше еще не проснувшегося города. Машинально перелистнув до своей статьи, я, естественно, ужаснулся, увидев вместо голодных ирландцев запрет на мочеиспускание.

Шелли моментально остановил работу типографии, которая успела напечатать всего десяток бракованных газет, и вставил верную статью. Он вчитался в нее несколько сотен раз и после тысячи раздумий все-таки отдал в печать новую версию газеты.

В бар этим вечером Шелли так и не пошел, сославшись на предчувствие, что газета лишь начало череды неприятностей. Вручив мне десяток бракованных разворотов “на память” он побрел домой, а я, выбросив все, кроме одного, все-таки решил испытать удачу и найти “Бродячую собаку”.

***

Около трех часов ночи я, пьяный вдрызг, плелся по Сондерс-стрит и пинал банку. Только войдя в подъезд, я обнаружил, что все это время таскал с собой один экземпляр испорченной газеты. В этот же момент мне стало так невыносимо стыдно за свою “шутку”, что я решил немедленно от этой газеты избавиться. И лучшим местом, где могла оказаться эта гадость, стал порог Издателя.

3

Свое субботнее утро я начал с того, что спустился в ресторан “Злате Коэн” и сел за столик у окна, сквозь которое разглядывал прохожих в свой первый день в Квинсе. Голова, видимо, совершенно отвыкнув от алкоголя, гудела так, словно минувшей ночью ей довелось спать не на мягкой подушке, а на дрожащих трамвайных путях.

***

Готов поспорить, что вы знаете таких людей, которым совсем ничего в этом мире не нравится. В детстве они надуют сопли и мило капризничают, а с возрастом становятся форменными ворчунами, которые думают, что имеют право хамить всем вокруг. Где бы они ни были, они заявляют, что в другом месте лучше, и какая бы женщина им не улыбнулась, им кажется что лучше та, что немного поодаль. Что бы они ни смотрели и ни читали – все это плохо, ужас и кошмар. Именно таким человеком был Рут Келли, который только что появился в дверях ресторана с газетой в руках и уже шел к столику, за которым я безмятежно завтракал.

Поразительно, но это утро он начал не с разгрома очередного неудавшегося писателя и лекции о новом американском слоге, а о какой-то статье из газеты, которая, по-видимому, тронула самые потаенные струны его души.

– Нет, Марк, ну вы видели? Вы читали свежий номер? Не

знаю, откуда он взялся у моего порога, да и важно ли это, но вы видели? Эта... Этот возмутительный законопроект о запрете на мочеиспускание в собственном доме.

Я поперхнулся и, закрывая одной рукой набитый хлебом рот, выхватил газету из рук Издателя. На измятой бумаге красовался заголовок “Правительство может запретить горожанам мочиться в квартирные туалеты, чтобы сохранить микрофлору океана”.

– Что вы скажете? Вы один из немногих, чье мнение меня интересует! Думаете ли вы, что они действительно способны на такое? А как вообще это работает? Как это спасет микрофлору?

– Успокойтесь, Рут, – сказал я и убрал газету к себе в карман, – это наверняка журналистская утка. Знаете, они иногда пишут такие статьи, чтобы о газете побольше трещали на улице. Не обращайтесь на это внимания!

– Вы думаете? А то... Знаете, это выбило меня из колеи. Это вторжение в частную жизнь! Я недавно читал одну книгу... вернее, отверг одну книгу, так вот там как раз было об этом. Знаете, я уж было подумал, что совершил ошибку, что отверг такой своевременный труд... И даже, знаете, подумал. Нет. Допустил! Что даже и слог той нескладной книги был вполне себе неплох... Но это! Нет! Это конечно же полный ужас... Не пришел к нам еще тот писатель, на работе которого я готов поставить печать одобрения... Вы знаете. Вы – друг! Вы спасли меня, спасли мой талант! Ведь знаете, этот

журналист, этот... как вы сказали? Этот уточник! Он чуть не пробил брешь в моей стене из бдительности и любви к слову. Попадись он мне! Наверняка написал такое от злобы, от злобы, что не может быть настоящим писателем. Вы! Вы, мой друг, – Издатель вскочил с места и положил свои трясущиеся от возбуждения руки на мои плечи, – вы спасли меня! Ох!

Этим утром я обратился к Богу дважды. Первый раз – когда руки издателя покинули мои плечи и вцепились в кисти, пожимая их в порыве уважения. Второй раз – когда он решил, что я должен познакомиться с его рассказом и забыть о новости этого “уточника”, которая, по его мнению, испачкала мой мозг.

Издатель приказал мне оставаться в кресле и покинул ресторан. И чтобы мои худшие домыслы не стали реальностью, я немедленно покинул заведение вслед за ним и отправился в “Бродячую собаку”.

4

В подвальчике на перекрестке Ван-Клиф стрит и Уэст-сайд-авеню я встретился с Шелли Вйэдом. За месяцы нашего знакомства он проявил себя как неплохой парень, с которым время от времени можно перекинуться парой фраз и убить несколько минут за курением трубки.

– Слушай, Шелли, – произнес я, облизываясь от пенных усов над верхней губой, – а что нам с тобой будет за порчу газет?

– Друг... твой случай, конечно, уникальный, но отнюдь не из ряда вон. Пока вы бегаєте по своим делам, мы выкидываем по сотне газет в день: где-то буквы перепутаны местами, а где-то – на дай бог – имя мэра написано со строчной буквы.

– То есть каждый день из типографии выбрасывают несколько десятков испорченных газет?

– Марк, ты ведь не первый день в журналистике! Никогда не бывал в типографии?

– Там, где я работал, не было своих типографий.

– Не каждый день, – возразил он и жестами заказал нам еще по кружке пива, – не каждый, но бывает.

– Слушай, а могу я тогда попросить тебя об одной услуге? – Шелли утвердительно кивнул, – мне нужно, чтобы ты выпустил одну бракованную газету.

– Зачем? – спросил он с неподдельным интересом.

– Скажем так, я провожу небольшой журналистский эксперимент и хочу, чтобы одна статья из газеты была... была поддельной, ты меня понял?

– А что за эксперимент? – спросил он, придвинувшись так, словно я должен выведать эту тайну прямо ему на ухо.

– Возможно, ты прочтешь об этом в одной из следующих газет.

Вернувшись в квартиру около девяти часов вечера, я увидел на пороге кипу бумаг. На верхнем листке было что-то написано. Я наклонился и увидел следующий набор букв: “Интеллигент на краю”. Не сложно было догадаться, что Издатель решил скрасить мой вечер своим рассказом. Я поднял стопку пожелтевших бумаг с пола и бросил на стол.

***

Знаете, скажу вам вот что: я надеюсь, что он никогда не осмелится опубликовать свой (да простят меня литераторы) рассказ. Или, что того хуже, впихнуть его в сборник с людьми, достойными прочтения! Поймите, не хочу показаться предвзятым или грубым, но то, что в тот вечер лежало у меня на столе, было худшим произведением на свете. Сложно оспорить тот факт, что у многих авторов есть слабые стороны, но есть и те, за которые им можно простить все остальное: кто-то создаст такого персонажа, что читатель практически перестает следить за сюжетом, а кто-то создаст такой сюжет, что все персонажи уйдут на второй план, кому-то даются детали, перетягивающие покрывало произведения на себя. Так вот, Рут Келли. Он смог самых не харизматичных и самых блеклых персонажей (если, конечно, вы сможете насчитать более одного) запихать в самый второсортный и самый предсказуемый сюжет, лишенный ка-

кой-либо изюминки.

А начал свое повествование Келли со следующей фразы: “Никто не вправе осуждать Мартина за содеянные им поступки”. Ну то есть знаете... Вау! Интрига с первых строк.

И если вы презрительно цокнули, то спешу показать вам второе предложение: “Уже с самого детства он не являлся человеком общества, а родители называли его “Seul” (что в переводе с французского означает “одиночка”)”. Зачем родители вполне себе американского Мартина называли ребенка Seul не совсем понятно, но на протяжении следующих десяти страниц Келли страстно рисовал перед своим читателем образ непонятого гения и творца не своего времени. А на шестнадцатой началось действие. То есть понимаете, сюжет не просто оказался вторичным, но и начался с шестнадцатой страницы!

Честно дочитав до самого конца, я аккуратно собрал разбросанные вокруг кресла страницы и положил их на стол. Стоило мне подойти к окну и закурить трубку, как в дверь постучали. Это был мой первый гость. Я заправил рубашку в брюки и направился ко входу в квартиру. Издатель!

Как только дверь открылась, он перешагнул через порог и поинтересовался, сумел ли я ознакомиться с его “Интеллектом на краю”. Я сказал, что успел. Он сел за стол и пригласил меня присоединиться. Я присоединился. Тогда он попросил рассказать о моих впечатлениях от произведения.

А дальше произошло вот что: через семь минут, когда ча-

сы пробили полночь – понимаете, этот человек в полночь сидел в моей квартире и заставлял рецензировать его никчемное произведение! -, через семь минут он выскочил из-за стола и разошелся не на шутку.

– Ты! Как только я тебя увидел! Можно было сразу догадаться, что у тебя в голове! Лишь один раз взглянув на твое лицо становится ясно, что это внешность дегенерата!

После этого он однако принялся объяснять дегенерату не понятые им сюжетные твисты, аллюзии на античную литературу и метафоры, которые должен считать каждый порядочный человек и знаток германо-скандинавской мифологии (эти вещи неразрывны между собой?). Именно такой слог казался Издателю не занудным и не нравоучительно-церковным. Что-ж! В 12:12 ночи дверь в мою квартиру захлопнулась.

6

Утром следующего дня я по традиции отправился завтракать в “Злате Коэн”. Мое любимое место было занято. И ни для кого не станет сюрпризом имя человека, который сидел за этим столом с таким выражением лица, словно загнал деревянного коня в ворота Трои, а не повесил свой пиджак на второе кресло, намекая, что оно занято.

Я сел за стол в глубине зала и с нетерпением принялся ждать итальянку Лию Медичи (имя оказалось настоящим!), которая традиционно обслуживала мой стол. Но и этот ритуал Келли у меня похитил. Пока Лия помогала ему разобраться с двумя сортами чая, мой заказ (яичница с беконом) приняла неразговорчивая девушка из России, которая что-то чиркнула своим погрызанным карандашом в блокноте и молча удалилась.

И пока повар готовил заказ, я пообещал себе, что этим же вечером сделаю так, чтобы Рут Келли исчез из этого заведения как минимум до начала осени.

4 июля 1924 года типография “Нью-Йоркского горожанина” выпустила 26 000 и одну газету. 26 000 газет предназначались простым жителям города, желающим узнать о погоде на день и вакантных рабочих местах, а одна газета была особенной, и она должна была достаться Руту Келли, мерзавцу из 37-й квартиры на Сондерс-стрит, 12.

Помимо традиционных статей, вроде “Выборы прошли при небывалом оживлении” и “Ехать или не ехать в Россию”, на страницах горожанина затесалась и еще одна, особенная. Эксклюзивная! “Группа польских мигрантов заявила о готовящихся взрывах в Квинсе”.

В короткой заметке я, сославшись на самые достоверные источники, предупредил жителей Квинса о группе радикально-настроенных поляков, которая собирается устроить серию взрывов в местных кафе и ресторанах, список которых я, естественно, приложил и огранил рамочкой. Заключительным же абзацем статьи я посоветовал всем сознательным читателям газеты в этих местах ни в коем случае не появляться.

8

Задумка оказалась крайне удачной. Удивительно восприимчивый к газетным новостям Рут Келли действительно покинул “Златэ Коэн”, и за своим любимым столиком у окна, которое выходило на угол Сондерс-стрит и 65-я авеню, я не только прощался с последними лучами летнего солнца, но и наблюдал, как улица покрывается пожелтевшими листьями из Риго-парка.

К моменту, когда выпал первый снег, я не единожды заставлял Издателя совершать самые глупые поступки под влиянием заголовков газеты “Нью-Йоркский горожанин”.

Например, 27 сентября он перекрасил свою дверь в кукурузный цвет, так как группа чрезвычайно образованных лиц из Нью-Йоркского исследовательского центра пришла к выводу, что дверь кукурузного цвета – атрибут любой творческой личности.

А уже 1 октября он, одевшись так, словно на улице не 18 градусов, а ноль, в шапке и перчатках бегал по всем кино-театрам города, так как узнал, что истинный Нью-Йоркский интеллигент должен довольствоваться не только такой жвачкой, как “Доктор Джекил и мистер Хайд” и “Знак Зорро”, но и не менее трех раз в неделю уделять время такой киноклассике, как “Мечь кинематографического оператора”, “Невский проспект” и, разумеется, “Понизовая вольница”.

Хуже всего, конечно, вышло утром 25 декабря. Где-то между четырьмя и пятью часами утра Келли устроил праздничный салют в честь Дня издателя. Я предварительно вставил в свои уши беруши и происходящего за окном не отразил. А вот Издатель, судя по всему, то ли салют слишком шикарный устроил, то ли бесновался чересчур сильно, но лицо его на следующий день выглядело весьма нездорово: правый глаз был подбит, нос съехал чуть влево, а нижняя губа увеличилась аж в несколько раз.

После этого случая я на несколько лет забыл о моем соседе Руте Келли. Не могу не признаться, что мне стало искренне жаль этого почти 40-летнего дядьку, который то оденется не по погоде, то всю ночь проведет на улице, ожидая, когда его квартиру наконец-то покинет редкий подвид австралийской тли, чрезвычайно вредной для здоровья коренного американца. Да и соседи стали как-то искоса поглядывать на Издателя, видимо замечая в нем повадки сумасшедшего.

9

16 августа 1929 года я купил себе синий Бьюик и позвал таки Лиу Медичи на свидание. Пятничным вечером мы гуляли по Кони-Айленду, пили коктейли, ели сахарную вату и фантазировали о том, как далеко мы сможем уехать на моем новом автомобиле.

Лия еще не видела моего шикарного Бьюика, а потому то и дело спрашивала, а какой у него капот? А колеса большие? А крыша?

Я с радостью отвечал на каждый глупенький вопрос, представляя, как через пару дней, в воскресенье, она будет восхищенно визжать, разглядывая Нью-Йорк с бруклинского моста на скорости в 80 километров в час.

***

В полночь, когда я провожал ее до дома, она внезапно хихикнула и уткнулась своим тоненьким носиком мне в плечо.

– Чего ты смеешься? – спросил я.

– Видишь того человека, – она вытянула свой изящный указательный палец и ткнула в фигуру, которую я моментально узнал. Мне даже стало слегка неудобно, что я не признал ее сразу: это был Рут Келли. – видишь его?

– Вижу, – буркнул я.

– Месяц назад он пытался позвать меня на свидание, представляешь? Рассказывал про пьесы и какие-то мифы! – ее

слегка большие для итальянки губы стянулись к центру, а после расплылись в очаровательной улыбке. Она продолжила: – Мне кажется, он интересный человек, хотя и жуткий задавака.

– Угу, – опять буркнул я.

– Ха-ха, – рассмеялась Лия, – не уж то популярный Нью-Йоркский журналист Марк Бруштейн ревнует молоденькую эмигрантку к какому-то задаваке? М-м, – протянула она и набросилась мне на шею. – Ах-х, милый Рут, что было бы, если бы я ему не отказала? – она принялась дразнить меня и рисовать картины их свидания с Издателем.

– Ты бы слушала, какой он великолепный издатель!

– А так я буду слушать, какой ты великолепный журналист? Ах, Рут!

– Прекрати! – сорвался я. – Послезавтра я заеду за тобой на своем Бьюике.

– Вот уж давай, Марк Бруштейн! А если не заедешь, то я сочту, что ты задавака и врунишка, который выдумал синий Бьюик, чтобы залезть под юбку к смуглой итальянке! – она сделала едва заметное движение бедром и запустила длинные тонкие пальцы в густые локоны своих темных волос.

– И что же тогда?

– Сбегу к Руту! – выкрикнула она, послав мне воздушный поцелуй.

Последнее, что осталось в моей памяти от того дня, это ласковый смех за закрывшейся дверью и цоканье прелестных

ботинок, несущих Лию Медичи домой.

17 августа 1929 типография “Нью-Йоркского горожанина” выпустила 37 000 и одну газету. Помимо традиционных статей вроде “Немое кино уходит в прошлое” и “Судьба русских эмигрантов в Константинополе”, на страницах “Горожанина” затесалась и еще одна, особенная. Эксклюзивная! “Жителей Нью-Йорка предупреждают об опасности. Америка переезжает на западное побережье”.

Сюжет заметки вертелся вокруг одного донесения. Американская разведка сообщила о планах “Ирландской народной армии” вернуть мигрантов на родину самым радикальным способом: сделав восточное побережье непригодным для жизни.

Некий лидер “Ирландской народной армии” по имени Доран О’Коннел уже сел на корабль “Галахер” и отправился напрямик в Нью-Йорк с отрядом преданных ему террористов.

У бедных жителей города оставалось в запасе всего несколько дней, а то и сутки, чтобы покинуть свои дома и отправиться вглубь страны, где их не достанет рука ирландского возмездия! Газета предупреждала о возможных пробках и крупном дорожном коллапсе, призывая эвакуироваться при первой же возможности.

Думаете, вышло жестоко? Но, клянусь, после слов Лии

“Сбегу к Руту” меня охватила невиданная тоска! Дыхание погорячело и стало таким тяжким, что конечности вмиг ослабли. К тому же, пришлось предпринять невиданные усилия, чтобы не встретить лучи утреннего солнца за барной стойкой “Бродячей собаки”. А это, как говорится, скользкая дорожка.

Воскресное утро началось с раннего пробуждения, которое было вызвано хаотичным стуком в дверь. Я соскочил с кровати, оделся и с криками “сейчас-сейчас” направился к источнику звука.

За дверью стоял взволнованный Издатель, в чьих руках тряслась какая-то стопка бумаг.

– Марк, – сказал он, – Марк, – и еще раз, – мне нужна ваша помощь! Несколько лет назад я повел себя весьма не так, как следует вести себя приличному интеллигенту. Я хотел бы извиниться. И, Марк, еще я хотел бы вас кое о чем попросить, – он сел за стол и положил на него рукопись. – Завтра важный для меня день: завтра издательство должно принять мою книгу. Но сперва, Марк, я хочу, чтобы вы немедленно ее прочитали и высказали мне всю правду. Как и тем субботним вечером, Марк.

Келли обращался ко мне с поразительным почтением. Поддавшись лести, я решил оказать ему услугу и, несмотря на ранний час, прочитать произведение.

– Присаживайтесь, Марк. С вашего позволения я воспользуюсь кухней и приготовлю нам кофе. Вы не против?

Я утвердительно кивнул головой и пододвинул к себе аккуратно скрепленные страницы. Их оказалось даже меньше, чем в прошлый раз, что явно не тянуло на отдельную книгу.

“Книжная полка Грегори Мерфи”. Буквально с первого предложения я понял, что это могло быть одним из университетских произведений Келли. Сюжет был гораздо интереснее “Интеллекта на краю”, и первые страницы даже смогли поселить в моей голове мысль, что “Книжная полка Грегори Мерфи” может оказаться весьма занимательным чтивом.

Действие, как ни странно, разворачивалось вокруг парнишки по имени Грегори. Он собирался на первое свидание и планировал произвести впечатление на даму одним из самых необычных способов. Мерфи должен был прийти в ресторан несколько раньше своей спутницы, усесться на самом видном месте и с видом полнейшего отстранения от реальности читать книгу, которую на протяжении всего произведения тщательно выбирал из своей библиотеки.

Герой Келли метался между “Сестрой Керри” Драйзера, рассчитывая подчеркнуть свой оригинальный взгляд на мораль, и “Пробуждением” Кейт Шопен, желая намекнуть своей спутнице на отсутствие у него патриархальных идей. Помимо этого, через его руки проходили и совершенно неуместные для первого свидания произведения: “Братья Карамазовы” Достоевского, “Отверженные” Гюго и, конечно же, Библия. Ее Келли поставил в центр мини-новеллы внутри произведения. Сюжет заключался в том, что Грегори представлял себе, как придет на свидание с Библией, а девушка с Книгой Мормона, из-за чего произойдет хоть и религиозный, но весьма комичный конфликт.

– Bravo! – сказал я Келли, которого не оказалось за столом. – Рут? – спросил я погромче. Без ответа.

Комнатную тишину нарушала лишь кипящая вода в чайнике, который Издатель поставил на огонь, чтобы сделать нам кофе. Я вышел из-за стола и обошел комнату, заглянул в ванную и зачем-то в шкаф.

– Видимо вышел, – заключил я вслух.

К полудню я все-таки решил покинуть квартиру, не дожидаясь Издателя. День был удивительно солнечным. Я планировал как следует пообедать, заглянуть в парикмахерскую через дорогу, сесть за руль своего Бьюика и направиться на встречу к Лии, чтобы прокатить ее через бруклинский мост.

Еле волоча ноги, я вышел из подъезда, сделал ровно четыре шага и обомлел. Лучи августовского солнца освещали Сондерс-стрит, отражались в витринах магазинов и очках прохожих, заставляли прищуриваться хозяина хрюкающего бульдога и пускать солнечных зайчиков парочку маленьких девочек. Но одного, самого заветного блика я так и не увидел. Мой новенький Бьюик не отражал лучи утреннего солнца. Он вообще ничего не отражал. Да его, мать его, нигде и не было! Я ринулся вверх, а после вниз по Сондерс-стрит. Выбежал на 65-ю авеню и даже присмотрелся к чужому Кадиллаку, пытаясь разглядеть в нем мой Бьюик. Но нет. Его нигде не было. Нигде!

Я запустил свои руки в карманы и понял, что Бьюик исчез вместе с ключами. Чтобы подтвердить эту теорию, я вернулся в квартиру и буквально перевернул её. Ничего.

И знаете, что произошло? Я даже не буду оттягивать этот момент. Нет, вы только вдумайтесь! Перепуганный выдуманной новостью ублюдок из 37-й выбежал из своей кварти-

ры и устроил целый спектакль, чтобы забрать ключи, угнать мой Бьюик и к чертям собачьим свалить из Нью-Йорка!

Я вернулся в подъезд, спустился на третий этаж и принял-ся что есть сил долбить в придурковато окрашенную в кукурузный цвет дверь. Несмотря на оставляющие меня силы, я с каждым новым разом старался ударить все сильнее и звучнее. Мне нужно было заглушить повторяющийся, как старая пластинка, диалог в моей голове:

– Вот уж давай, Марк Бруштейн! А если не заедешь, то я сочту, что ты задавака и врунишка, который выдумал синий Бьюик, чтобы залезть под юбку к смуглой итальянке!

– И что же тогда?

– Сбегу к Руту!